

Бейрутские школы Императорского православного палестинского общества (1887-1914 гг.): религиозно-политический проект М. А. Черкасовой (по материалам Архива внешней политики Российской империи)

Федотов П. В.

В статье исследуется феномен Марии Александровны Черкасовой, основательницы и бессменной руководительницы бейрутских школ Императорского православного палестинского общества в 1887-1914 гг. Эта женщина реализовала проект, в котором просветительская деятельность органично сочеталась с религией и феминизмом. Главный посыл М. А. Черкасовой — «мужчина и женщина равны в очах Божиих». Высокий уровень интеллекта, глубокая религиозность, нетерпимость к лицемерию и формализму, готовность бескомпромиссно бороться за свои идеалы позволили М. А. Черкасовой стать одним из признанных лидеров бейрутской православной общины. Действуя «во Славу Божию» М. А. Черкасова конфликтовала с влиятельными мужчинами: куратором учебных заведений Императорского православного палестинского общества Н. М. Аничковым, инспекторами, российскими консулами в Бейруте, арабом Селимом Шхаде.

Статья основана на исследовании большого количества неопубликованных источников, хранящихся в шести делах фонда РИППО из Архива внешней политики Российской империи. Наибольший интерес вызывает длинное письмо М. А. Черкасовой, адресованное председателю общества Елизавете Фёдоровне: своеобразная исповедь, «крик души», итоговый рассказ о деятельности бейрутских школ, а также альтернативная история деятельности Императорского православного палестинского общества на Ближнем Востоке. Субъективное мнение М. А. Черкасовой уравнивается оценками других сотрудников Императорского православного палестинского общества: учительниц А. С. Дубенской и А. Ф. Клементовской, инспектора М. М. Никанорова, а также Н. М. Аничкова и Елизаветы Фёдоровны.

Исследование большого количества уникальных, не публиковавшихся ранее документов, позволяет составить психологически достоверный портрет М. А. Черкасовой и объективно оценить её достижения.

Ключевые слова: Императорское православное палестинское общество, бейрутские школы, православие, феминизм, М. А. Черкасова, Елизавета Фёдоровна.

Отношения и деятельность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-09-41006.

Федотов Пётр Викторович — зав. отделом «Фотонегамультимедиа», ФГБУК «Государственный музей истории религии», хранитель фотографий Императорского православного палестинского общества. Актуальные научные интересы: учебные заведения ИППО, русские учителя на Ближнем Востоке. Санкт-Петербург, Россия. ORCID: 0000-0002-7079-6708.

Автор, ответственный за переписку (Corresponding author): fedotovpetr@mail.ru

Рукопись получена 25.12.2021

Рецензия получена 25.01.2022

Принята к публикации 03.05.2022

Для цитирования: Федотов П. В. Бейрутские школы Императорского православного палестинского общества (1887-1914 гг.): религиозно-политический проект М. А. Черкасовой (по материалам Архива внешней политики Российской империи). *Российский журнал истории Церкви*. 2022;3(2):50-65. doi:10.15829/2686-973X-2022-77. EDN SVKGTGA

**Beirut schools of the Imperial Orthodox Palestine Society (1887-1914):
a religious and political project of M. A. Cherkasova
(based on materials from Archive of the Foreign Policy
of the Russian Empire)**

Petr V. Fedotov

The article examines the phenomenon of Maria Alexandrovna Cherkasova, the founder and permanent head of the Beirut schools of the Imperial Orthodox Palestine Society in 1887-1914. This woman implemented a project in which educational activities were organically combined with religion and feminism. The main message of M. A. Cherkasova is "a man and a woman are equal in the eyes of God." High level of intelligence, deep religiosity, intolerance to hypocrisy and formalism, willingness to fight uncompromisingly for their ideals allowed M. A. Cherkasova will become one of the recognized leaders of the Beirut Orthodox community. Acting "for the Glory of God," M. A. Cherkasova clashed with influential men: N. M. Anichkov, curator of Imperial Orthodox Palestine Society educational institutions, inspectors, Russian consuls in Beirut, Arab Selim Shkhade.

The article is based on a study of a large number of unpublished sources stored in six files of the RIPPO Foundation from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. Of the greatest interest is a long letter from M. A. Cherkasova addressed to the chairman of the society, Elizabeth Fedorovna: a kind of confession, a "cry of the soul", a final story about the activities of Beirut schools, as well as an alternative history of the activities of the Imperial Orthodox Palestine Society in the Middle East. The subjective opinion of M. A. Cherkasova is balanced by the assessments of other Imperial Orthodox Palestine Society employees: teachers A. S. Dubenskaya and A. F. Klementovskaya, inspector M. M. Nikanorov, as well as N. M. Anichkov and Elizaveta Fedorovna.

The study of a large number of unique, previously unpublished documents makes it possible to make a psychologically reliable portrait of M. A. Cherkasova and objectively assess her achievements.

Keywords: Imperial Orthodox Palestine Society, Beirut schools, Orthodoxy, feminism, M. A. Cherkasova, Elisaveta Fedorovna.

Relationships and Activities. The study was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of scientific project No. 19-09-41006.

Petr V. Fedotov — Head of the Department of "Photonegamultimedia", State Museum of the History of Religion, Curator of Photographs of the Imperial Orthodox Palestinian Society. Current research interests: Imperial Orthodox Palestine Society educational institutions, Russian teachers in the Middle East. Saint Petersburg, Russia. ORCID: 0000-0002-7079-6708.

Corresponding author: fedotovpetr@mail.ru

Received: 25.12.2021

Revision Received: 25.01.2022

Accepted: 03.05.2022

For citation: Petr V. Fedotov. Beirut schools of the Imperial Orthodox Palestine Society (1887-1914): a religious and political project of M. A. Cherkasova (based on materials from Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire). *Russian Journal of Church History*. 2022;3(2):50-65. (In Russ.) doi:10.15829/2686-973X-2022-77. EDN SVKGA

Сеть учебных заведений Императорского православного палестинского общества (ИППО) на Ближнем Востоке, просуществовав около трёх десятилетий, оставила след в истории и общественной жизни этого региона. Особенно явственно этот след виден в Бейруте. Одна из улиц этого города, названа Алмата — в честь "мамы Московийи", Марии Александровны Черкасовой, создательницы бейрутских школ ИППО. Деятельность

бейрутских школ подробно описывали ревизоры из России [*Извольский* 1896; *Аничков* 1901, 1910], в “Сообщениях ИППО” были опубликованы две статьи о 25-летнем юбилее этих учебных заведений [*СИППО* 1912a:533-544; *СИППО* 1912b:76-88], незадолго до юбилея была издана брошюра [*Во славу Божию* 1911], в которой М. А. Черкасова описала своё чудесное исцеление, а её помощница-соратница Афифе Абдо рассказала историю основания бейрутских школ. В 2013 г. был опубликован другой текст А. Д. Абдо “Краткая история жизни Мама — Марии Александровны Черкасовой, главы и основательницы русских школ Российского Императорского Православного Палестинского общества в Бейруте” [*Всматриваясь друг в друга* 2013:393-429]¹. Этот материал вызвал живой интерес сразу у нескольких известных исследователей (И. М. Смилянкой, Г. Г. Косача и Н. Н. Лисового), подготовивших интересные статьи о М. А. Черкасовой и Афифе Абдо [*Всматриваясь друг в друга* 2013:389-392 (И. М. Смилянская); 430-463 (Н. Н. Лисовой); 464-475 (Г. Г. Косач)]. Несмотря на достаточный объёмный список публикаций, посвящённых М. А. Черкасовой, Н. Н. Лисовой вынужден был констатировать: “Биография этой бесспорно выдающейся женщины [...] еще не написана” [*Всматриваясь друг в друга* 2013:440]. Наряду с биографией М. А. Черкасовой от Афифе Абдо (напоминающее житие святой) историю этой женщины написал и Н. М. Аничков, инспектировавший бейрутские школы в марте 1899 г. В капитальном семисотстраничном двухтомном отчёте об этой поездке, Н. М. Аничков описывает посещение школ в Сирии и Палестине, приводит справочную информацию о населении городов и сёл, рассказывает о различных происшествиях и даёт краткие биографические сведения о сотрудниках учебных заведений — обычно несколько предложений, некоторым наиболее значимым сотрудникам (инспекторам и начальникам семинарий) он посвящает одну-две, максимум три страницы. М. А. Черкасовой он уделил восемнадцать страниц [*Аничков* 1901:106-123]. Текст Н. М. Аничкова не был панегириком: наряду с высокой оценкой религиозно-нравственного направления бейрутских школ, он, в категоричной форме, выразил своё неприятие компаньонки М. А. Черкасовой.

“Афифе Димитриевна, хитрая и неглупая сирийка, довольно хорошо владеющая русским языком и состоящая на службе общества с 1887 года. Она опасна для Бейрутских школ [*Аничков* 1901:117] [...]”. Из всех долгих переговоров с М. А. Черкасовой я вынес твердое убеждение, что никакое улучшение материального положения Бейрутских школ, никакое применение требований программ и инструкций, никакое обеспечение будущего существования этих прекрасных по мысли и миссионерскому направлению учебных заведений невозможны и немыслимы до тех пор, пока там будут оставаться два вышеуказанные члена семейства Абдо [Афифе и её отец Димитрий]” [*Аничков* 1901:123]. Н. М. Аничков отмечал, что несколько раз “беседа принимала резкое и крайне неприятное направление” [*Аничков* 1901:116]. Вероятно, это были одни из самых сложных и напряжённых переговоров во время его поездки по Ближнему Востоку.

¹ Оригинальный текст был написан по-арабски, Афифе Абдо поднесла его М. А. Черкасовой в качестве подарка 15 марта 1912 г.

“Мне приходилось разговаривать подробно с М.А. два раза; один раз в праздник, в течение 3 часов, а другой раз после занятий, в течение 4 часов подряд, и мы прекратили наш разговор во второй раз потому, что я заметил, что нашему терпеливому и молчаливому слушателю, проф[ессору] Аттая², скоро от утомления сделается дурно” [Аничков 1901:116-117]. Можно констатировать, что описана довольно необычная ситуация — переговоры двух мужчин, профессора и “министра”³, с пожилой болезненной женщиной заканчиваются из-за умственного переутомления первых. Очевидно, разговор завершился таким образом, потому что было затронуто нечто важное и существенное. Прояснить этот вопрос нам позволяют материалы, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи: личные дела служащих учебных заведений ИППО, документы из фондов российского консульства в Бейруте и посольства в Константинополе и, особенно, дела бейрутских школ ИППО. Восемь дел бейрутских школ, включающих от 93 до 162 листов, разделены хронологически — они охватывают период с 1887 по 1914 гг. Среди этих материалов значимое место занимает интересная и содержательная переписка М.А. Черкасовой с В.Н. Хитрово, секретарём ИППО, находящаяся в первых пяти делах [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 425-430]. Однако, самый информативный, самый объёмный и содержательный документ хранится в последнем деле — письмо М.А. Черкасовой [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 432. Л. 125-158], адресованное Елизавете Фёдоровне⁴. В начале письма стоит дата — “7 июля 1907 года”, в конце — вторая дата (2 февраля 1910 года). В этом же деле имеется машинописный вариант письма с ответом Елизаветы Фёдоровны, датированный в свою очередь 5 мая 1914 года, из чего следует, что письмо М.А. Черкасовой было отправлено почти через семь лет после начала его написания. Письмо написано на 33 листах с оборотами (общий объём — более 90 тыс. знаков). Это письмо можно назвать своеобразной исповедью, “криком души”, итоговым рассказом о деятельности бейрутских школ, а также альтернативной историей деятельности ИППО на Ближнем Востоке. Несмотря на большой объём текста (тем более написанного в разное время), письмо производит вполне цельное впечатление. Посыл письма — “открыть глаза” Елизавете Фёдоровне.

“Как член церкви святой православной, как представительница И.П.П.О. в Бейруте, как почётный член О-ва поддержания православия на Бл[ижнем] В[остоке] умоляю Вас лично соблаготворить взглянуть на истинное положение нашего здесь дела”, — обращается М.А. Черкасова к председателю общества. Далее она детально и психологически достоверно описывает свои взаимоотношения с влиятельным арабским семейством Шааде (Шхаде), российским консулом в Бейруте А.А. Гагариным, русскими инспекторами и учительницами и, наконец, с куратором учебной деятель-

² Аттай Михаил Осипович (1852–1924) — лингвист-востоковед, арабского происхождения.

³ Н.М. Аничков исполнял обязанности министра народного просвещения в 1898 г. В своём письме М.А. Черкасова несколько раз называет его “министром”.

⁴ Председатель ИППО в 1905–1917 гг.

ности ИППО Н. М. Аничковым. Несколько страниц письма М. А. Черкасовой посвящено его визиту, состоявшемуся много лет назад. Из рассказа Марии Александровны становится ясно, что Н. М. Аничков, по сути, требовал от неё отречься от Афифе Абдо, удалив эту арабку из бейрутских школ. Однако для самой М. А. Черкасовой Афифе была не наёмным работником, а соратницей. Требование уважительного отношения к сотрудникам бейрутских школ и категорическое неприятие сексизма вызывали у Н. М. Аничкова сильный дискомфорт. Ещё И. Ю. Крачковский отмечал, что М. А. Черкасова “женщина [...] несомненно, в высшей степени наблюдательная” [*Всматриваясь друг в друга* 2013:431]. Её рассказ как будто бы воссоздаёт встречу с Н. М. Аничковым. М. А. Черкасова как тонко чувствующий человек, ощущающий собственное достоинство, расценила поведение ревизора как хамское:

“Консул сказал нам, что г. Министр придет прямо с парох[ода] в школу в 6 ч. утра, а он приехал лишь в 11 утра, а дети все эти 5 часов ждали с трепетом и томлением пятичасовым, напряжённым трепетным ожиданием страшного ревизора министра Аничкова, с первого слова приведшего в трепет, встретившую его на лестнице помощницу, вместо ответа на её почтительное приветствие, гордо выпрямившись, произнёсшего повелительным голосом: “Скажите начальнице, я, Аничков!” И затем вошел в гостиную, дал мне понять, что не желает её присутствия, да ведь она вторая я, моя ближайшая сотрудница, устроительница и дочь моя приёмная: ясно, что это в лице её оскорбление меня, кроме неё. Затем, войдя в класс её сестры, настолько резко, грубо, презрительно оттолкнул её от детей, которых она хотела спрашивать, сказав: “Это не ваше теперь дело”, — что с ней буквально со страху дурно сделалось, так что он сам испугался её бледности и поддержал её, чтоб не упала в обморок” [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 432. Л. 139об-140].

В таком же духе Н. М. Аничков общался и с другими учительницами. М. А. Черкасова задаётся вопросом — чем они заслужили такое отношение и сразу даёт ответ.

“За что, спрашивается? За ревностное, подвижническое, добросовестнейшее отношение их к делу Общества, русскому имени и Церкви Христовой. [...] Хотящие Ему — Господу Богу — служить гонимы будут”.

М. А. Черкасова посчитала поведение Н. М. Аничкова неразумным, неконструктивным и оскорбительным. Наладить сотрудничество с ревизором ей удалось с очень большим трудом:

“Николай же М[илиевич] Аничков не только не пожелал ничего знать, [...] что сделать против всякой челове[еской] и христианской справедливости, казалось бы не должен был допустить его помимо всего другого и преклонный возраст Министра [...] ибо что извинительно мальчику, то трудно объяснить в годы зрелой и даже старческой опытности. [...] Не допустил её [Афифе] присутствовать во время его беседы (виновата беседа и не могло быть при его жестоком обращении с нами), а во время его кратковременного официального начальнического визита, во время которого принуждал меня находиться в присутствии постороннего незнакомого мне араба (Атая), с ним приехавшего из России, якобы как он выра-

зился, нужен был свидетель нашего свидания, чем настолько меня оскорбил, как будто я не свой, 20 лет служащий и известный лишь с хорошей стороны и всегда верный управитель порученного мне дела, а какой-то чужой подозрительный, что я — глубокая старица, на седьмом десятке лет, горько заплакала, с печалью поглядывая, на приготовленную мною тетрадь с множеством деловых, школьных, требующих его рассмотрения вопросов, которые увы, так и остались невысказанными, ибо я не могла, русское сердце не позволяло выставлять пред посторонним арабом наших неотложных нужд и всесторонних соображений. А г. Министр, видя моё такое положение, не пожелал удовлетворить моей просьбы — выслушать меня без такого свидетеля, грубо, резко, быстро встал и хотел уехать; тогда вскочила вслед его, с горя ухватила за рукав его, говоря умоляющим голосом: не отпущу, пока не скажете мне Вашего ревизорского мнения о моём деле” [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 432. Л. 138-138об].

Н. М. Аничков снизошел до осмотра школ и даже похвалил их деятельность, однако, не изменил своего отношения к М.А. Черкасовой и её учительницам. Судя по эмоциям, выраженным Марией Александровной, общение с ревизором оказалось очень травматичным:

“Министр Н. М. Аничков разъезжал по моим школам и при всём старании сбить моих учительниц и детей, вынуждены были признать разумность их ответов; когда же я по окончании экзаменов во всех пяти школах моих, сказала г. Министру, что теперь и мне желательно было бы посетить инспект[орскую] школу на Ливане, хоть одну Шувефатскую, мною основанную, так он г. Министр Н. М. Аничков, сидя в коляске с инспект[ором] громовым голосом полицейского закричал на меня, сидевшую в другой коляске с помощницей: “Я этого не хочу!”. И только! Veto! Без доказательств”. И это на людной, большой главной улице города у выходных ворот большой школы св. Николая, [русский] Министр кричит как на (не знаю уже как на кого, потому что ни на кого так кричать нельзя, теперь крепостных нет, я тоже в своё время имела в России именованье и крепостных, как родную мать меня любивших), а теперь без всякой вины с моей стороны, на меня, преклонных лет старицу, начальницу пяти школ, почётного члена (а тогда действит[ельного]) Императорского Православного П[алестинского] Общества, так закричал не помышляя, что прохожие в страхе могли останавливаться, конечно, думая, за что бы это нашу маму (ибо и взрослые вслед за детьми меня так зовут) так срамит г. Министр! Стыдно мне стало! Никогда в жизни моей я ни от кого не видала такого обращения зверского, ибо он не кричал, а ревел, и лицо его всех пугало. Не единого слова, ни упрёка, никакого возражения я ему на такую дерзость не сказала, только, ох, как горько, скорбно, тяжело стало мне на сердце. А у консула он всему семейству его старался показать, насколько он меня презирает в угоду им; каждое слово моё, с большим почтением к нему обращаемое, резко обрывал, так что я, будучи потом у Сюрсок на обеде, для него устроенном, не смела и подойти к нему” [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 432. Л. 145-145об].

Н. М. Аничков считал, что Афифе Абдо не могла бы стать представителем Палестинского общества после смерти М.А. Черкасовой. Он

написал Марии Александровне письмо, в котором увязывал поддержку Палестинского общества с передачей ИППО земли и дома, записанных на Аффифе Абдо. Об этом же М. А. Черкасовой объявил, направленный к ней Н. М. Аничковым, инспектор П. И. Ряжский. Вероятно, письмо Н. М. Аничкова и инспекция П. И. Ряжского стали поводом обращения М. А. Черкасовой к Елизавете Фёдоровне (отправленном, впрочем, лишь через семь лет). М. А. Черкасова испытывает негодование и задаёт Елизавете Фёдоровне вполне понятный по житейским меркам вопрос:

“Ваше Императорское Высочество! Как мне понимать все эти речи г-на Министра Н. М. Аничкова? Как назвать подобное требование? Как объяснить эти условия, которые он ставит мне в обязанность отдать моё личное имение, для продолжения дела Общества?” [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 432. Л. 136].

Как и в случае с Н. М. Аничковым, М. А. Черкасова отмечает особенности характера русских инспекторов П. И. Ряжского, Е. И. Тарасова, Д. Ф. Богданова, А. И. Якубовича. Последнего она упоминает как конкурента, забравшего у неё школу в Шувефате:

“Увидав мои успехи там, Якубович отнял её от меня, приписав себе и доселе на чужом (моём) основании, портят моё дело. [...] Всё это делается лишь по праву сильного, лишь потому, что они — инспектора — мужчины, и вот мы — слабые женщины трудимся, воспитываем учительниц в приходской школе, излишек послали на Ливан, а они мною основанную школу взяли себе, без всякого объяснения” [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 432. Л. 144об-145].

Деятельность мужчин — сотрудников ИППО она оценивала резко негативно:

“Не желали внимать мне, лишь потому, что я женщина; а теперь, увы, мужчины инспектора, учителя образцовой так называемой Назаретской школы вместе с русскими учителями осрамили русское имя, сделали его притчею, худшим примером, о котором арабы потому лишь молчат в глазах русских, что пользуются их деньгами” [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 432. Л. 131об], — пишет М. А. Черкасова, ссылаясь, в том числе, на мнение митрополитов Антиохийской церкви. Она приводит примеры такого, по её мнению, осрамления, протестуя против модернизации, которая, по её мнению, порождает лицемерие, формализм и бездушие:

“На выставке арабск[ой] на Ливане, прошлые каникулы, в селе Шверы, встретив моих учительниц любовавшихся картиной или скорее Образом Рождества Спасителя и в восторге друг другу по-русски выразившие своё мнение: “Как трогателен этот лик Спасителя нашего!”. Какой тут Спаситель?! Разве есть Спаситель!”, — провозгласил учитель обр[азцовой] Н[азаретской] шк[олы] не требующим возражения тоном авторитетного передового прогрессиста. Учительницы мои пришли в ужас: как это — Вы учитель, да ещё из образц[овой] Назар[етской] (семинарии) пансиона и с такими воззрениями на нашего Божеств[енного] Спасителя? Как Вы можете учить детей о Христе Иисусе Господе нашем. Учитель правос[лавных] детей должен быть религиозным. — “Я учитель за деньги

и пока получал жалование говорил им, что есть Христос, а теперь освободился от них и не стесняясь выражаю своё убеждение”” [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 432. Л. 143об-144].

М. А. Черкасова же категорически не принимала лицемерие:

“Мой полувековой опыт показал мне, что дети гораздо более чутки к верному определению внутреннего содержания души человеческой, и глубоко ошибаются учителя воображающие, что они, дети, не видят того, что он, учитель, думает скрыть от них своим лицемерием. Для них пример, истинная, разумная горячая религиозность учителя имеет гораздо более действительное влияние всех нотаций, инструкций, требований формальностей, отвращающих от внутреннего содержания” [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 432. Л. 144].

Главным своим противником М. А. Черкасова называет не русских инспекторов и Н. М. Аничкова, а российского консула в Бейруте А. А. Гагарина и, особенно, драгомана Салима Шааде, которому посвящены первые страницы письма. “Всесильный драгоман русского консульства” в своё время вызвал сильные эмоции у востоковеда А. Е. Крымского, который восхищался уровнем его интеллекта, и одновременно чувствовал отвращение от безмерного цинизма, исповедуемого этим человеком.

“Изумительная гадина этот Салим. А манеры его очаровательны и образованность — широкая”, — писал А. Е. Крымский ещё в 1896 г. [Крымский 1975:230]. Не удивительно, что этот очень умный интриган и взяточник, обездоливший Ливан (по словам того же А. Е. Крымского), не упускавшим возможности дискредитировать деятельность бейрутских школ (в т. ч. и в глазах Н. М. Аничкова), стал большим врагом М. А. Черкасовой.

В фрагменте письма М. А. Черкасовой, посвящённом этому человеку, чувствуется беспощадный гнев, что, вероятно, осознавала и сама Мария Александровна:

“Селим Шахаде сделал выговор консулу за нетактично ведённую во время болезни Шахаде против нас атаку, наделавшую много соблазна и шума среди арабов. Однако, видя его тревогу, утешал его: “Успокойтесь, — сказал он консулу. — Когда она умрёт, тогда я (Шахаде) знаю, как без всякого шума удалить А. Д. Абдо и сделать всё по-моему”. Так хвастал человек! Но человек предполагает, а Бог располагает! Селим Шахаде в страшных муках, с проклятиями на устах, испустил дух. Да простит его Милосердный Господь и помилует. Вообще все враги мои, не мои лично, я лично ни одного не имею врага, и не дай Господи никогда мне иметь личных врагов. Дело моё — дело Церкви, дело Христово, идущие против него враждуют против Христа” [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 432. Л. 147об].

Скорее всего, именно достойное противостояние этому местному негодяю значительно подняло авторитет М. А. Черкасовой среди арабов. Знакомство с Марией Александровной и её учительницами производило впечатление и на русских. Около семи страниц послания М. А. Черкасовой к Елизавете Фёдоровне посвящены письмам русских людей, поддерживающих её деятельность. Она упоминает людей, занимающихся разной деятельностью: священников, учителя, доктора, адмирала, управляющего

подворьями ИППО и его жену, наконец, секретаря Палестинского общества В. Н. Хитрово, с которым ей удавалось найти общий язык.

В завершающей части этого огромного письма она выступает против предвзятого отношения к людям по признаку пола (в этом контексте её можно называть православным феминистским мыслителем). Её формулировки отличаются глубокой продуманностью и выстраданностью:

“Господь нигде никогда никому не сказал, якобы премудрость была привилегией мужчин, как многие из них воображают, и исполняется на них сказанное: “Мнящие себя мудрыми быти обьюродеша”. [...] По слову Его: “Кому не достаёт премудрости, да просит её у Бога и дастся ему, и дарует Он премудрость Свою истинную, деятельную и созерцательную всем просящим” людям, человекам будет ли то мужчина или женщина, ибо она человек в очах Божиих. [...] Позволяю себе, считая себя обязанным преклонностью лет моих, быть смелою и сказать в лицо всем мужчинам, считающим себя в правах топыриться, становиться на ходули самовозвеличивания и унижать человека — женщину, забывая, что истинная мудрость не нуждается в уничижении других, не нуждается в ходулях, не нуждается в отрицании присущей, Богом данной обою пола человекам мудрости. [...] А как много мужчин представляются невнемлющими мудрому слову жён, сестёр, матерей (стоит ли де баб слушать), а затем сами в большом обществе публично повторяют их (бабы-то) мысли, конечно, выдавая их за свои. Мужчины так поступают и не только в России, но везде и здесь чуть ли не более, чем где-либо, и воспитывают эти безбожники детей своих без веры в Бога, умерщвляя души их лишением питания духовного” [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 432. Л. 156-156об].

В завершение письма она пишет о своём проекте, который, очевидно, имел политическое содержание — М.А. Черкасова надеялась, что школа для мальчиков, завоёванная ею с большим трудом, трансформируется в православную мужскую учительскую семинарию:

“Его силою надеемся донести на своих слабых плечах, пока Он воздвигнет из воспитываемых теперь нами мальчиков учителей, которым можно будет доверить заменить учительниц, духом которых они должны проникнуться, как учительницы, проникнутые моим (т. е. церковным, который дух и мой и их) [...] во избежание безбожного воспитания их мужчинами, вообразившими основать новое христианство без Христа” [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 432. Л. 157об].

О проекте нравственного преобразования мужчин М.А. Черкасова более подробно рассказала в первом письме к Елизавете Фёдоровне, написанном и отправленном в 1905 г.:

“После долгого опыта я заключаю, что труд мой более чем на половину пропадает, потому что мы не учим мальчиков, и наши девочки-сёстры мальчиков — мученицы, относительно братьев своих, воспитанных в духе безверий и дурной вследствие этого нравственности, постоянно стараются и на сестёр повлиять своим растлевающим воздействием. Девочки, вернувшись домой из школы, попадают в такую ужасную атмосферу безбожия, пьянства, разврата, что часто плачут с горя, видя своё бесси-

лие против родителей и братьев старших, которых они со слезами умоляют, почтительно прося своих родителей посещать Церковь, исповедоваться, причащаться, слушать Слово Божие. Конечно, бывает иногда устаивают? Богу, творящему силу Свою в немощи нашей, но часто многие из них сами постепенно попадают этому домашнему ежедневному влиянию семьи безбожной и безнравственной. Они сами, девочки наши, говорят, что: “Мы очень хотели бы жить так, как вы нас учите по Божью, но очень трудно дома. Между тем, если бы мальчики воспитаны были в одном Христовом духе с девочками успех был бы вчетверо больший. Родители преимущественно обращают внимание на мальчиков, как наследников их фамильного имени. Все же школы мальчиков никакого внимания не обращают на воспитание и на религию, и учителей хороших нет. Основавшись на опыте и знании местных условий и школьных приёмов, соображений, позволяю себе представить Вашему Императорскому Высочеству такой проект: [...] Сблагovolите разрешить мне открыть начальную школу для мальчиков. [...] Спустя 6-7 лет [...] у нас будут свои учителя из этой школы. Пока же об этом никто и знать не будет, мы это проведём тихо, без официальностей, не дразня их мужского самолюбия, между тем дело пойдёт” [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 431. Л. 29-29об].

В этом же письме М.А. Черкасова выражает уверенность, что православие не только остановит вражду людей и сделает невозможным войны, но и объединит людей многих стран:

“1) Если бы усилили подобно англичанам, нашу миссионерскую деятельность и давно обратили бы Японию и Китай с Индией ко Христу, не было бы войны, все были бы едины во Христе; 2) если бы в школах наших прежде и более и сильнее всего внушать детям Слово Божие, привлекали бы их к Церкви, живым словом знакомить их с Библией, открывать Божие, Евангелием, не было бы у нас смуты внутри, все были бы едины во Христе. 3) если бы родители учили детей словом, влиянием, примером следовать Христу и Церкви Его, не было бы семейных драм” [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 431. Л. 30об].

В обоих письмах М.А. Черкасова подчёркивает, что только Афифе Абдо может быть её преемницей и что среди русских учительниц она не встречала достойных кандидатов:

“Всем сердцем желала бы я, а со мною желает и Афифе Дмитриевна Абдо, и с нею и сестра её и вместе молим Господа о том, да укажет Он нам преемницу мне, еще угодно Ему сие, из русских верующих в Бога. Если же эта русская окажется атеисткой, анархисткой, социалисткой, то да избавит нас Господь от таковой; ей я предпочту не только арабку, но японку, китайку, негритянку, если таковая истинная христианка, православная, член живой Христовой Церкви, ибо родство во Христе ближе всякого другого родства, не только национального, но даже кровного родства. Неверующий во Христа родной по плоти брат мне не брат. Кто предпочтёт плотское ли то, национальное родство Христу, тот не достоин Его; это Он сказал Сам. Но если бы русская оказалась одного с нами духа, конечно, она имела бы к сему преимуществу плюс + нацию; но увы! доселе, при всём моём ста-

рании, не удалось мне таковой найти” [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 432. Л. 157об-158].

В ответном письме Елизавета Фёдоровна называет М.А. Черкасову достойнейшей и глубокочтимой, отмечает её дарования и заслуги, соглашается, что передача своего имущества — это её личное дело, но выражает сомнение, что это будет полезно для бейрутских школ в долгосрочном плане:

“С переходом имущества в арабскую семью, когда сойдут с жизненного пути ближайшие сотрудницы Марии Александровны, — какая гарантия того, что всё созданное ею не разрушится и не получит другое назначение? Если храм и здания школ будут закреплены за официальным учреждением, через что никогда не изменят своего прямого назначения, то не послужит ли это залогом, что дело не умрёт” [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 432. Л. 123об], — деликатно обращается Елизавета Фёдоровна к М.А. Черкасовой. В завершающей части этого письма чувствуется уже горький упрёк:

“Непонятно, почему Мария Александровна так скептически относится к русским женщинам. Думается, есть много хороших русских женщин, глубоко верующих и, если Мария Александровна действительно с Асифе Дмитриевной пожелали подготовить преемницу Марии Александровны, то могли бы такую найти, испытав её первоначально, а потом — направив и подготовив её” [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 432. Л. 124].

Тема отношений М.А. Черкасовой к русским женщинам достойна отдельного обсуждения. Среди архивных материалов о деятельности бейрутских школ в 1887-1890 гг. есть интереснейшие письма, в которых описывается характер взаимодействия М.А. Черкасовой с учительницами и соответствующая реакция руководства ИППО. Прасковья Николаевна Ушакова, первая русская учительница, служившая у М.А. Черкасовой с 1888 до начала 1889 г., ушла, казалось бы, по уважительной причине — из-за чахотки. Как отмечала позднее Мария Александровна:

“Первый год и начало второго я отвлечена была занятиями с П. Н. Ушаковой, лечением её душевного неверия[?], а затем телесных недугов” [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 426. Л. 110-110об].

Две новые русские учительницы, А.С. Дубенская и А.Ф. Клементовская, поступившие в бейрутские школы в 1889 г., очень быстро оттуда убежали, написав оправдательные письма секретарю ИППО В.Н. Хитрову. Очень живо написанное письмо Анны Степановны Дубенской, возможно, повлияло на судьбу М.А. Черкасовой, не назначенной, в результате, начальницей женской учительской семинарии в Бейт-Джале:

“Ваше Превосходительство Василий Николаевич! Прибегаем к Вашей доброте с просьбою о переводе нас из этого вертепа куда-нибудь, где выбор Ваш остановится. Сил нет перенести всё, что приходится терпеть. Хотим мы скрыться в Россию да ещё совесть есть и потому не хотим поступать против совести, но не хотим и своего здоровья терять из-за этой каторги. Здесь сердце ни минуты не имеет спокою хотя оно какое бы ни было крепкое, но лопнет от сильного горя. Мне никогда в жизни не приходилось видеть особу набожную с таким зверским характером. [...] Она держит нас как 10 лет[них] девочек, у кого хотите самолюбие лопнет,

проделявает Бог знает какие штуки только бы унижить нас” [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 426. Л. 71-71об].

А. С. Дубенская, в частности, упоминает, нервную обстановку в доме М. А. Черкасовой, жалуется на ограничение общения с другой русской учительницей и поручения хозяйственных дел, а также требование почитать Марию Александровну, как святую. Вместе с тем, А. С. Дубенская не стремится выяснять отношения с М. А. Черкасовой.

“Пусть это всё останется между нами [,] я не хочу разжесться в ссоре” [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 426. Л. 72об], — пишет она В. Н. Хитрово. Письмо другой русской учительницы хоть и было намного более сдержанно, но посыл содержало тот же.

“Будьте так добры, переведите нас в другую школу, даже хотя бы и не в одну; здесь жить не достанет терпения” [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 426. Л. 75], — обращается Александра Фёдоровна Клементовская к В. Н. Хитрово.

М. А. Черкасова осознавала, что рассказы А. С. Дубенской могут сильно повредить её репутации. Пытаясь немного улучшить ситуацию, она даже обратилась в начале 1890 г. за помощью к В. Н. Хитрово:

“При случае замолвите слово миротворца пред К. П. Победоносцевым; боюсь как бы и до него не дошли сплетни Дубенской, ибо она всё хвастала своим знакомством с Саблером и даже митрополитом Исидором, который, как она мне говорила, якобы ей меня хвалил, ругаясь, что я де хорошая, ибо он меня знает за таковую; это её слова. Теперь она вероятно сеет[?] там про меня всякие небылицы. Просила бы Вас прислать мне хотя теперь её письмо” [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 426. Л. 74об].

Хотя В. Н. Хитрово и отрицал значение рассказов А. Н. Дубенской, очевидно, они усилили представления о Марии Александровне, как о фанатичной и малоуправляемой особе, которой нежелательно доверять такое значимое учреждение как женскую учительскую семинарию. К августу 1890 г. со стороны руководства ИППО сформировался своеобразный консенсус по поводу М. А. Черкасовой — оставить её в Бейруте, учительскую семинарию там не открывать, но выделить на школы солидные деньги. Об этом В. Н. Хитрово сообщает в письме к Марии Александровне:

“Вы приписываете какое-то значение доносу Дубенской, в этом видите причину относительно неназначения Вас в Бейт-Джалу или не основания пансиона в Бейруте. Видит Бог, что это не так, и донос⁵ Дубенской никакого никогда значения не имел. Мы слишком серьёзно относимся к делу нами принятому, чтобы не действовать под минутным впечатлением, да ещё какого-то доноса сумасбродной женщины. Да мы задумались поручить Вам пансион в Бейт-Джале, задумываемся относительно открытия пансиона в Бейруте именно оттого, и это извольте Вам высказать откровенно, что мы приходим к убеждению, что глубокоуважаемая Мария Александровна скорее миссионерка, чем педагогичка. Куда звание миссионерки стоит выше педагогички, от неё требуется и большего знания, и большей выдержки, и больше самозабвения и, что важнее, больше веры...

⁵ Слева на поле сделана надпись карандашом — “не читал этого доноса”.

Мы, может быть, и даже крупно ошибаемся, но нам нужен не общежительный женский монастырь, а женский учебный пансион, в котором требуется побольше терпимости, побольше снисхождения к ближним, чем может дать не идущее на компромисс миссионерство. [...] Вы имеете теперь в Вашем распоряжении 9000 фр. в год, это большие деньги, сомневаюсь, чтоб какая-либо католическая или протестантская школа такими деньгами располагала, и постарайтесь с этими средствами сделать наибольшее добро и принести наибольшую пользу и хотя ради этих средств не очень обвиняйте наше Общество» [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 426. Л. 105-105об].

М. А. Черкасова не смирилась с предложенными ей рамками — об этом говорит и открытие ей школы в Шуефате (вскоре взятой под контроль инспектором), активная деятельность в Бейруте и стремление создать православную учительскую семинарию.

Категорически не соглашаясь с критикой одного из ревизоров, она пыталась найти поддержку у Сергея Александровича, председателя ИППО, отправив ему письмо в 1894 г.:

“Отчёт г-на Извольского, одна страница которого противоречит другой, не заслуживает доверия Вашего Императорского Высочества, и ещё более противоречащей истине, сделанный на основании его вывод, читанный в публичном собрании общества 19-го декабря 1893 г., подвергли меня в столь угнетенное состояние духа и до того тяжело подействовали на меня своею несправедливостью, что мне осталось искать правды на земле лишь у Вашего Императорского Высочества” [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 428. Л. 68об].

Относительное понимание Мария Александровна находила в лице В. Н. Хитрово, умевшем внимательно выслушать и убедительно ответить на претензии, называвшего её в письмах своим старым другом [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 430. Л. 34об].

Перед началом Первой мировой войны ИППО предприняло несколько попыток интегрировать бейрутские школы. Посещение бейрутских школ И. И. Спасским, инспектором северо-сирийских школ ИППО, в декабре 1912 г. закончилось полным провалом.

В письме к вице-председателю ИППО А. А. Ширинскому-Шихматову М. А. Черкасова представляет И. И. Спасского полным идиотом, описывая его неуместные поступки и неловкие высказывания:

“3-го декабря сего 1912 года г. И. И. Спасский объехал [...] мои пять школ в течение трёх часов. Собравшись у меня все мои тридцать учительниц, по обычаю, в пятницу, все в один голос назвали его юридивым, т. к. он по всем школам во время экзамена представлялся таким, делая разные смешные ужимки и прыжки и гримасы, чтобы рассмешить детей” [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 432. Л. 89].

Вместе с тем, М. А. Черкасова пишет о готовности принять инспекторский надзор при соблюдении целого ряда условий. По её словам, инспектором может быть “способный, компетентный, хороший в духе Церкви Христовой воспитанный человек, который был бы мне добрым помощником” [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 432. Л. 88]. Кроме того, он

должен быть женатым, обязан спрашивать согласия на предполагаемые им нововведения и не может назначать арабских учителей среди учительниц бейрутских школ. В свою очередь, М.А. Черкасова хотела возложить на себя встречный надзор за инспектором. В начале 1914 г. относительно успешный визит в бейрутские школы совершил исполняющий обязанности инспектора южно-сирийских школ М.М. Никаноров. Подготовленный им обстоятельный отчёт [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 432. Л. 109-118] содержал вполне реалистичные предложения, направленные на интеграцию бейрутских школ в систему учебных заведений ИППО. В первой части отчёта М.М. Никаноров описывает обстоятельства, связанные с визитом в Бейрут, рассказывает об инвентаризации имущества, особенностях ведения отчётности, о недостаточности средств, заложенных в смету на преподавание французского языка во всех бейрутских школах. Во второй части отчёта он делится интересными наблюдениями о взаимоотношениях, как он это называет, в “святой” семье М.А. Черкасовой и сестёр Абдо.

В отличие от других ревизоров, у М.М. Никанорова была возможность ознакомиться с деятельностью бейрутских школ более тщательно (он провёл здесь несколько дней, занимаясь составлением инвентарей). По его наблюдениям, М.А. Черкасова по состоянию здоровья уже давно устранилась и от заведования хозяйством, и от руководства школами, передав дела Афифе Абдо. М. Никаноров не сомневается, что М.А. Черкасова всецело доверяет Афифе и её сестре Асме, однако замечает:

“Не отрицая ихнего⁶ совместного труда, я всё-таки имею основание утверждать, что далеко не одни только благородные порывы вдохновляли сестёр по пути следования за М. А., играл тут роль и материальный интерес” [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 432. Л. 113об].

Он приводит вполне определённые примеры: махинации с валютными курсами при определении стоимости вещей, размытые границы между школьным имуществом и собственностью сестёр, попытки Афифе и Асмы подслушивать разговор с М.А. Черкасовой и направлять его в выгодную для них сторону. М.М. Никаноров задаётся вопросом — какая судьба ждёт русскую учительницу, назначенную в бейрутские школы, и даёт психологически достоверные ответы. По его мнению, самостоятельная и добросовестная русская учительница окажется в состоянии жёсткой конкурентной борьбы с Афифе Абдо. У последней будет много преимуществ: владение арабским языком, полное доверие начальницы, материальное превосходство, знание местных условий (в том числе, необычной системы обучения чтению и письму, принятой в бейрутских школах). Исход такого противостояния будет предreshён и будет плачевным. В лучшем случае конфликт закончится добровольным уходом русской учительницы, в худшем — приведёт к большому скандалу⁷. Уступчивая же русская учительница, не способная улучшить школьное дело, по словам М.М. Никанорова, будет бес-

⁶ Подчеркнуто карандашом и надпись — “!?”.

⁷ Инспектор П.И. Рязский, вероятно, руководствовался похожими соображениями, отговаривая учительницу иерусалимской школы ИППО М.П. Нарциссову от перехода в бейрутские школы в 1912 г. [АВПРИ Ф. РИППО. Оп. 873/1 Д. 385. Л. 14-15об].

полезна. В конце письма инспектор делает вполне определённые выводы, подкрепляя их реалистичными предложениями:

“Пока Афифе Дмитриевна Абдо будет иметь хоть тень власти над школами, русскому интеллигентному человеку невозможно там работать. А для этого в Бейруте весьма целесообразно было бы учредить должность начальника Бейрутских школ и попутно подчинить ему школы Ливанского округа. К начальнику перешла бы вся административная часть по Бейрутским шк[олам], и тогда окончательно была бы разбита безумная мечта сестёр Абдо о получении ими в наследство от М. А-вны вместе с её имуществом и начальствования над школами” [АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 432. Л. 116].

Судя по описанию своего визита общение М. М. Никанорова с М. А. Черкасовой было вполне конструктивным. Он, в частности, не подвергает сомнению решение Марии Александровны передать своё личное имущество сёстрам Абдо, но твердо уверен в необходимости отстранить их от руководства школами. Через некоторое время, в начале 1914 г., М. А. Черкасова всё же решила отправить Елизавете Фёдоровне, столь долго лежавшее у неё письмо, окончательно закрывая вопрос о передаче своего имущества Афифе Абдо. Начальником бейрутских и ливанских школ был назначен учитель назаретской семинарии ИППО Даниил Владимирович Семёнов. Он должен был приступить к исполнению своих обязанностей осенью 1914 г. после возвращения из каникул, проведённых в России. Из-за начавшейся войны он не смог это сделать. В первые годы войны до руководства ИППО доходили сведения о трудном положении Марии Александровны и её учительниц — они были опубликованы в одном из выпусков “Сообщений ИППО” [Юшманов 1915:396, 399-400]. После 1917 г. связь с Россией оборвалась окончательно. Подробности о последних годах жизни М. А. Черкасовой мы не располагаем. По сведениям ливанской исследовательницы Даны аз-Зейн, она умерла в 1918 г. [Всматриваясь друг в друга 2013:471].

Итог двадцатисемилетней деятельности М. А. Черкасовой — создание шести школ⁸ в Бейруте. Эта умная, праведная, набожная, пассионарная женщина с очень непростым характером вместе со своими соратницами создала островок, на котором бедные арабские православные девушки обретали почву под ногами и, соответственно, получали шанс занять в жизни место, не унижающее их человеческое достоинство. Добрая память о Марии Александровне сохранилась и была материализована в названии улицы Бейрута — *Almama*.

⁸ 1) Школа Св. Пророка Или (Мусатебе), с 22 сентября 1887 г. 2) Школа Св. Архангела Михаила (Мазра), с 1 мая 1890 г. 3) Школа Св. Николая Чудотворца (Хай-Румели), с 17 сентября 1891 г. 4) Школа Пресвятой Богородицы (Рас-Бейрут), с 16 сентября 1893 г. 5) Школа Св. Великомученика Георгия (Хай-Румели), с 15 сентября 1897 г. 6) Мужская школа (отобранная у бейрутского митрополита Герасима в 1905 г.).

Литература

1. Встратываясь друг в друга 2013 — (2013). *Встратываясь друг в друга... Россия и арабский мир: взаимное восприятие (Сборник статей)*. Сост.: Н.Г. Романова, И.М. Смилянская (отв. ред.), А.О. Филоник. М.: Институт востоковедения РАН, 482 с.
2. Во славу Божию 1911 — (1911). Библиотека ГМИР. ИППО Н. VII. №853. "Во славу Божию" ("Об основании Бейрутских школ Императорского Православного Палестинского Общества", "Наискорейший способ научения чтению и письму", "Как пресвятая Богородица меня исцелила"). Издание кружка сестер сотрудников братства св. Гурия. Казань. Типография губернского правления, 87 с.
3. Крымский 1975 — Крымский, А. Е. (1975). *Письма из Ливана*. М.: Наука, 342 с.
4. СИППО 1912а — (1912) Летопись Палестинского Общества. Юбилей Бейрутских школ И.П.П. Общества и начальницы их Марии Александровны Черкасовой. *Сообщения ИППО*, 23, 533-544.
5. Извольский 1896 — (1896). Учебные заведения Императорского православного палестинского общества в апреле и мае 1893 г. *Отчет по командировке действительного члена Общества Извольского П.П.* СПб., 1896.
6. Аничков 1901 — (1901). Учебные и врачебные заведения Православного палестинского общества в Сирии и Палестине. *Отчет члена Совета Общества Н. М. Аничкова*. СПб. Ч. 1, 102-152.
7. Юшманов 1915 — Юшманов, В. Д. (1915). Русские учреждения в Палестине и Сирии во время войны с Турцией. *СИППО*, 26, вып. 3-4 (июль-дек.), 373-408.
8. СИППО 1912б — (1912). 25-летие русских школ в Бейруте и служения в них М.А. Черкасовой. *Сообщения ИППО*, 2, 76-88.

References

1. Looking at each other 2013 — (2013). *Looking at each other... Russia and the Arab world: Mutual perception (Collection of articles)*. Comp.: N. G. Romanova, I. M. Smilyanskaya (ed.), A. O. Filonik. M.: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 482 p. (In Russ.)
2. For the glory of God 1911 — (1911). The GMIR Library. IPPO N. VII. No. 853. "For the Glory of God" ("On the foundation of the Beirut schools of the Imperial Orthodox Palestinian Society", "The fastest way to teach reading and writing", "How the Most Holy Theotokos healed me"). Publication of the circle of sisters of the Brotherhood of St. Guria. Kazan. Printing house of the provincial government, 87 p. (In Russ.)
3. Krymsky 1975 — Krymsky, A. E. (1975). *Letters from Lebanon*. Moscow: Nauka, 342 p. (In Russ.)
4. SIPPO 1912a — (1912) Chronicle of the Palestinian Society. Anniversary of the Beirut I.P.P. Schools of the Society and their headmistress Maria Alexandrovna Cherkasova. *IPPO messages*, 23, 533-544. (In Russ.)
5. Izvolsky 1896 — (1896). Educational institutions of the Imperial Orthodox Palestine Society in April and May 1893. *Report on the business trip of a full member of the Society Izvolsky P.P.* St. Petersburg., 1896. (In Russ.)
6. Anichkov 1901 — (1901). Educational and medical institutions of the Orthodox Palestinian Society in Syria and Palestine. *Report of the member of the Board of the Society N. M. Anichkov*. SPb. Ch. 1, 102-152. (In Russ.)
7. Yushmanov 1915 — Yushmanov, V. D. (1915). Russian institutions in Palestine and Syria during the war with Turkey. *SIPPO*, 26, issue 3-4 (July-Dec.), 373-408. (In Russ.)
8. SIPPO 1912b — (1912). 25th anniversary of the Russian schools in Beirut and the ministry of M.A. Cherkasova in them. *IPPO messages*, 2, 76-88. (In Russ.)